

Эрик-Эмманюэль Шмитт

ЯД
ЛЮБВИ

Джюльетта XXI века —
какая она?

Эрик-Эмманюэль Шмитт
Яд любви. Отель двух миров (сборник)
Серия «Азбука-бестселлер»
Серия «Эликсир любви», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11831221

*Яд любви. Отель двух миров : роман, пьеса / Эрик-Эмманюэль Шмитт: Азбука, Азбука-Амтикус; Санкт-Петербург; 2015
ISBN 978-5-389-10645-1*

Аннотация

Впервые на русском – новый роман Э.-Э. Шмитта «Яд любви». Если в первом романе дилогии, «Эликсир любви», речь шла об отношениях взрослых, сложившихся людей, о неизбежном ущербе, который наносит время самым пылким чувствам, то в книге, получившей на звание «Яд любви», автор с нежным изумлением всматривается в неповторимый мир первого чувства.

До окончания школы осталось чуть больше года, но юных подружек – Джулию, Рафаэль, Колумбу и Анушку – волнует лишь любовь. Каждая из них жаждет встретить своего Ромео. Мыслями об этом заполнены их дневники и переписка. Подруги уверены, что необходимо сделать решительный шаг, переступив черту, которая отделяет их от мира взрослых. И вот Джулия робко признается, что летом она сделала «это». Чем откликнется ее решительный поступок? А их дружба – выдержит ли она грядущие испытания? И вообще, при чем тут бессмертный Шекспир?! В настоящее издание также вошла знаменитая пьеса Э.-Э. Шмитта «Отель двух миров».

Содержание

Яд любви	5
Дневник Джулии	5
Дневник Анушки	6
Дневник Коломбы	7
Дневник Рафаэль	8
Дневник Анушки	9
Дневник Коломбы	10
Дневник Анушки	12
Дневник Рафаэль	13
Дневник Анушки	14
Дневник Коломбы	15
Дневник Анушки	16
Дневник Джулии	17
Дневник Коломбы	18
Дневник Анушки	20
Дневник Коломбы	21
Дневник Рафаэль	22
Дневник Джулии	23
Дневник Рафаэль	24
Дневник Коломбы	25
Дневник Джулии	27
Дневник Коломбы	28
Дневник Анушки	29
Дневник Рафаэль	30
Дневник Коломбы	31
Дневник Рафаэль	32
Дневник Джулии	33
Дневник Анушки	34
Дневник Рафаэль	36
Дневник Коломбы	39
Дневник Анушки	40
Дневник Коломбы	41
Дневник Рафаэль	42
Дневник Джулии	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Эрик-Эмманюэль Шмитт

Яд любви. Отель двух миров (сборник)

Eric-Emmanuel Schmitt
HOTEL DES DEUX MONDES
Copyright © Editions Albin Michel, 1999

LE POISON D'AMOUR
Copyright © Editions Albin Michel, 2014

© Е. Белавина, перевод, 2015

© Е. Наумова, перевод, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

* * *

Яд любви

*О! дай, любовь, мне силу,
И сила та одна меня спасет!*

*У. Шекспир. Ромео и Джульетта.
Перевод А. Григорьева*

Дневник Джулии

Я одеваюсь, крашусь, я самая счастливая девчонка на свете, ведь скоро я снова увижу подружек, всю нашу компашку; переодеваюсь, прыскаю на себя духи, переодеваюсь, причесываюсь, переодеваюсь, опять переодеваюсь, потом реву: ну и уродина! не пойду никуда! Никто на свете никогда так не испытывал подобных страданий...

Меня душат слезы, заглядываю в телефон, – может, подружки забеспокоились. Пусто, ни одного эсэмэс. Я никому не нужна.

Тогда решаю выпить целую упаковку снотворного. Опрометью бросаюсь наверх, в комнату мамы, сегодня вечером дом полностью в моем распоряжении: все ужинают у бабушки. В тот момент, когда я уже собираюсь принять эту гремучую смесь, мне вспоминается прошлая зима, страшная неделя в больнице. Решаю не пить. Предыдущая попытка самоубийства навсегда излечила меня от желания покончить с собой: мне было очень плохо.

Вместо того чтобы положить конец своим дням, я приканчиваю лоточек каштанового мороженого. И ванильного. И еще клубничного.

В девять часов вечера мой телефон разрывается от звонков, подруги волнуются, они давно ждут меня в «Балморале», это наше любимое место. Тут только я понимаю, что мы договорились на девять, а не на семь, как мне казалось раньше.

Рафаэль, Анушка и Коломба не предали меня, я не одна в этом мире.

И речи быть не может показаться им в таком виде, особенно после каникул. Ах, какой замечательный вечер... Лицо распухло от слез, а завтра я буду вылитая корова.

Дневник Анушки

Сегодня утром я воспользовалась тем, что была дома совершенно одна целых три часа: я закрылась в спальне родителей и рассматривала себя в полный рост в нашем единственном большом зеркале.

Было не холодно, но от мысли, что я стою совершенно голая там, где обычно хожу одетой, меня бросало в дрожь.

Клянусь, я пыталась взглянуть на себя беспристрастно! Так вот, с полной откровенностью и непредвзятостью могу сказать, что мое отражение мне совсем не понравилось.

Во-первых, я увидела абсолютно чужого человека. Красноватые коленки, одна грудь побольше, другая поменьше, ноги кривоваты, руки слишком длинные, худые пальцы прикрывают лобок – ничего общего с Анушкой, той знакомой мне Анушкой, которой я была раньше.

Во-вторых, это не походило на отражение взрослого человека. Я согласна расстаться с детством, но при условии, что стану женщиной. А не вот этим! Утраченным звеном между обезьяной и человеком! Все расплывается, ни симметрии, ни гармонии, плохо пахнет, кожа несуразного оттенка, какие-то высыпания. Короче, мое тело занялось выработкой волосков, прыщей, пота и жира.

Что-то плоховато начинается моя взрослая жизнь. Таким телом никого не соблазнишь, даже если положение немного выправится. И мне не легче от дурацкой поговорки насчет того, что «о вкусах не спорят». Да, может быть, однажды найдется какой-нибудь дебил, который решит, что я ничего... Но понравится ли мне такой кретин?

Очная ставка с собственным отражением меня убила. Изучив как следует себя в анфас, я рассмотрела себя со всех ракурсов – со спины, сбоку, сверху, снизу, – притащила все имеющиеся в доме зеркала и расставила повсюду в спальне. Я изгибалась, как китайская гимнастка. Быстро проходила мимо зеркал, чтобы увидеть себя как будто случайно.

Мой папа вечно острит, вчера он обозвал подростковый период «волосковой революцией». Как только пробиваются первые волоски, как вдруг перестаешь себя узнавать, все меняется – и тело, и мысли. Град вопросов: кто я? зачем живу? куда иду? как меня воспринимают? Папа считает, что это поворотный момент в жизни человека, но об этом мало говорят. Он недалек от истины, хотя я считаю, что шутки тут совершенно неуместны.

Ладно, маленький темный треугольник внизу живота еще куда ни шло, но зачем растут волосы под мышками?! А пушок над верхней губой – это во что выльется?

В подавленном настроении я убрала весь бардак, который устроила в родительской спальне, потом приняла душ, потому что взмокла, как моцарелла. Пока ждала, когда подсохнут волосы, взяла мамин крем-депилятор и нанесла его под мышками и над губой. Под мышками все прошло гладко, а вот губа покраснела, раздулась вдвое и стала чесаться. Теперь я похожа на утку с алым пылающим клювом.

Я надеялась, что до прихода мамы и брата это пройдет. Как же! Услышав, что открывается дверь, я выключила свет в своей комнате и сделала вид, что смотрю фильм. Но мама, естественно, не могла так просто оставить меня в покое и, конечно, увидела, что со мной творится.

Я наплела, что обсасывала четвертинки апельсина и цедра разъела кожу. Кстати, как-то раз так и вышло, когда мне было одиннадцать.

Мама посмотрела на меня, но ничего не сказала. В последнее время я замечаю в ее глазах смутное подозрение, каждый раз, когда привираю от застенчивости. Не верит? Или просто считает меня чокнутой?

Дневник Коломбы

Любовь всегда накрывает меня неожиданно. Стоит какому-нибудь парню войти в «Балморал», и тут же будто пуля пронзает мое сердце. Мне жарко, я вся горю, сопротивляться нет сил, я жертва покушения, ранена шальной пулей. О выборе нет и речи! Парень порой меня даже не замечает. Он вообще смотрит в другую сторону, идет себе вразвалочку, поправляет волосы, улыбается официантке или окликает приятеля в глубине зала, а я не выдерживаю, сердце рвется, будто его прошила пулеметная очередь.

Меня будто приставили к стенке, я Дамаск под обстрелом, крепостная стена Рамаллы.

Ненавижу любовь. Мне хочется взбунтоваться против нее. Если любить – это значит терпеть, не принадлежать самой себе, быть рабыней, то я не хочу любить.

Я предпочитаю наносить удар первой. Предпочитаю бросать вызов.

Я хочу мира, а не войны, но если война неизбежна, готова принять бой.

Мужчинам я не уступлю. Я с ними справлюсь.

Дневник Рафаэль

Парни мной не интересуются. Тем лучше, потому что мне они тоже неинтересны. Мне просто нравится проводить с ними время, дурачиться, беситься на вечеринках, когда с выпивкой перебор. «Рафаэль – кореш что надо!» Они все так говорят... «Рафаэль всем сто очков вперед даст: первая отличница, а такая тусовщица!» Их это удивляет... В нашем лице имени Мариво даже среди типов, которые проводят ночи на дискотеках, курят и напииваются, попадаются двоечники, которые в классе только спать горазды. Тоже мне, парни... «Все дружат с Рафаэль. С ней невозможно не поладить». Я слышу одно и то же уже много лет. Почему тогда мне так одиноко, если я такая классная? Хотя нет! Мне все-таки повезло, у меня есть лучшие подруги – Джулия, Анушка и Коломба. Если бы не они, все мои разговоры со сверстниками сводились бы к школе и фразочкам типа: «Может, выпьем? Угощаю» или «Идешь на дискотеку?». Они считают меня незаурядной: мозги на месте, а она обожает отрываться на всю катушку. Но в моей семье принято ходить в кафе и ночные клубы, и это никак не мешает профессиональной работе. Я нормальная? «Рафаэль – мой лучший друг!» Ненормальная? «Рафаэль – отличный кореш!» Они все время это твердят...

Дневник Анушки

– Кого ты можешь назвать лучшей подругой? – спрашивает меня Тибо.

– Коломбу, Джулию и Рафаэль.

– Да нет, ты не поняла: что для тебя значит – лучшая подруга?

Мой брат меня иногда поражает. В двенадцать лет он уже задает такие глубокие вопросы. Меня вдруг осеняет, и я быстро отвечаю:

– Лучший друг – это ты сам, только лучше.

– Спасибо, ясно.

Он разворачивается и отправляется к своей нареченной – Зое двенадцать лет от роду, и он ходит за ней как пришитый с самого начала учебы в коллеже.

А ведь неплохое определение, да? Рафаэль, Джулия и Коломба – мои двойники, только у них нет моих недостатков. Поэтому я и люблю их.

И уже завтра мы увидимся!

Папа сказал бы: «Ну разве жизнь не прекрасна?»

Дневник Коломбы

Какой замечательный день! Мы с Джулией, Рафаэль, Анушкой наслаждаемся последними деньками свободы перед началом занятий. Сперва мы встретились в «Балморале», но из общих знакомых там никого не было, и мы решили пойти на Мост Искусств.

В прошлом году я предложила девчонкам повесить там «замок любви» с нашими именами, но тогда они меня как-то не поддержали. Очевидно, что каждая хотела бы сделать это вместе с будущим возлюбленным, но никто не признается. Да, конечно, в первую очередь Мост Искусств принимает с распростертыми объятиями влюбленные пары, здесь символично скрепляют замком признание в любви, но если мы будем ждать этого момента, то рискуем покрыться вековым мхом. По дороге я продолжала убеждать их:

– Девчонки, ну чем мы хуже? Зато у нас есть шанс навсегда остаться лучшими подругами. Разве дружба не чудо? Чудо, как и любовь. Она такая же крепкая и долгая.

Рафаэль меня поддержала:

– Если тебя интересует мое мнение, то дружба живет гораздо дольше, чем любовь! Мои родители расстались вскоре после моего рождения, и у меня уже нехилая коллекция отчимов и мачех.

Это правда. В нашей семье ни мой отец, ни мать, ни дяди и тети уже не живут вместе с теми, от кого у них дети. В семьях друзей та же фигня. Впрочем, наш учитель истории и географии, господин Бюрго, говорил нам в коллеже, что, согласно статистике, у нас в жизни будет несколько профессий и партнеров. Вот он, современный мир! Но мне эта идея нравится, потому что у меня нет ни малейшего представления, чем я хочу заниматься в будущем, и я пока не знаю, как выбрать парня, с которым мне будет хорошо, поэтому придется идти методом проб и ошибок.

(И все-таки, когда я это пишу, мне хочется надавать себе пощечин, потому что я рассуждаю, как будто Лукас не существует, мой Лукас, тот самый, в кого я отчаянно влюблена с первого взгляда и кем брежу день и ночь. Так, спокойно, даже если я уверена, что Лукас – мужчина всей моей жизни, пока он все равно встречается с этой козой Ванессой и к тому же собирается уехать на учебу в Брюссель.)

Анушка тоже убеждена, что влечение эфемерно; ее родители, хотя до сих пор живут вместе, не прикасаются друг к другу, никогда не целуются, поэтому она и ее брат считают, что их зачали в пробирке.

Джулия в свою очередь спросила:

– Любовь длится недолго, это факт. Но откуда нам знать, что дружба долговечна?

Ответы не заставили себя ждать: у каждой из нас среди взрослых знакомых были примеры дружбы, испытанной десятилетиями. Судебное разбирательство было закрыто. Дружбу мы оправдали и выпустили на свободу, а любовь была отправлена под арест за непопостоянство. Потом мы пришли к выводу, что французский язык откровенно лукавит, рифмуя слова «amour» («любовь») и «toujours» («всегда»), и что рифма «дружить – дорожить» звучит куда правдивее. Окрыленные подобными мыслями, мы купили замок у уличного торговца, опасавшегося полицейской облавы, и поднялись на мост, густо завешанный этими железяками. Гордые, торжествующие, свободные от старомодных предрассудков, тяготивших нас еще совсем недавно, когда считали себя обычными девушками. Отныне мы настоящие друзья, и это вселяло такую уверенность, что парочки вокруг казались просто нелепыми.

– Смотри, японцы; как думаешь, сколько они уже спят вместе? – спросила Рафаэль, толкая меня локтем. – Месяц? Год? И сколько они еще протянут... Какой кошмар!

Джулия, в своем репертуаре, тут же выдала подходящую цитату из Шекспира: «В замужестве счастливее не та, что долго женщиной живет замужней: счастливей та, что рано

умерла»¹. Мы рассмеялись. Во-первых, это полная чушь, а во-вторых, нам все-таки льстило, что подруга цитирует Шекспира так же непринужденно, как другие подростки мурлыкают себе под нос современные песенки. Круто, да?

Выцарапывая ножиком наши имена на замке, мы подшучивали над влюбленными парочками, молодыми и не очень, считая их чувства поверхностными, преходящими, нестойкими. Нашего сарказма удалось избежать только паре итальянских молодоженов: она такая лапочка в этом кружевном платье, а он похож на принца, и оба они так и светились, как солнце, сверкавшее в водах Сены.

Только у нас и у них было право клясться в нерушимой верности. Встав на колени, молча, взволнованно и торжественно мы защелкнули замок. Теперь наша четверка вместе навсегда, мы лучшие подруги.

Вдруг эту величественную, глубокую тишину нарушил шепот Джулии:

– Я сделала это.

Мы не сразу поняли, о чем речь, и ей пришлось повторить:

– Я это сделала. Летом. Первый раз.

Мимо нас пронесся табун горляющих мальчишек; они так топали, что содрогались даже железные решетки моста.

Мы застыли в изумлении. Солнце пригревало. Никогда еще радужки наших глаз не казались такими светлыми.

Снова воцарилась тишина, ее пронзил свисток речного трамвайчика.

– С кем? – вымолвила Рафаэль.

– С Теренсом.

Звук английского имени произвел на нас не меньшее впечатление, чем сам свершившийся факт. И то и другое было невообразимо. Заниматься любовью... с неким Теренсом... вдвойне невероятно. И вдвойне сексуально. Внезапно я попыталась представить моего Луку англичанином, с челкой и в кожаных ботинках. Почувствовав наше потрясение, Джулия покраснела до мочек ушей. При взгляде на нее я тоже залилась краской.

– Это было хорошо? – выдохнула вопрос Анушка.

Джулия прикрыла глаза. Ничто, наверно, не могло взволновать меня больше, чем это трепетное движение нежных ресниц, будто шелком полого скрывшее самое сокровенное. «Это было хорошо, – говорила за нее эта стыдливая сдержанность, – конечно, это было чудесно».

Долгое время мы не могли выдавить из себя ни слова.

На обратном пути Джулия вышла из аутического состояния лишь затем, чтобы снова вставить из Шекспира: «Молчание – лучший глашатай радости. Если бы я мог высказать, как я счастлив, я не был бы счастлив»².

Джулия, моя Джулия, такая родная и понятная, с еще пухленькими детскими щечками, которая иногда подвязывает лентой свои белокурые ангельские волосы, она, Джулия, пересекла роковую черту, за которой становятся женщиной.

Я была изумлена.

Теперь придется воспринимать ее по-новому.

¹ Шекспир У. Ромео и Джульетта. Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

² Шекспир У. Много шума из ничего. Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

Дневник Анушки

Я бестолочь, и вот тому доказательство.

Джулия уже сделала это! Да, Джулия это сделала. А я даже еще ни разу не целовалась.

Какой кошмар... Мало того что я с парнями не встречаюсь, скоро и девочки разочаруются во мне и перестанут со мной общаться. Естественно: они же увидят, что мой внутренний возраст – двенадцать лет.

Нет, на двенадцать я выгляжу внешне.

Впрочем, и то и другое, наверно...

«Все съедобно в чушке: и ножки, и ушки», – шутит мой бедный папа на мой счет. Как же он ошибается! Ничего во мне нет. Ни красоты, ни ума, ни души. Вместо того чтобы порадоваться за Джулию, я концентрируюсь на себе, занимаюсь самокопанием и барахтаюсь в собственном стыде. Океан эгоизма.

Анушка ненавидит Анушку.

Дневник Рафаэль

Что со мной?

Весь вечер меня одолевают мрачные мысли. Несмотря на то что я провела этот день с подругами и мы увековечили свои имена на Мосту Искусств, я чувствую себя опустошенной, никому не нужной, вялой, будто в венах – стоячая вода.

Непонятно...

Я не могу подняться, чтобы пройти от кровати до стола. Не могу снять балетки, у меня кружится голова. Такое ощущение, что у меня катастрофически низкое давление.

А завтра я иду в предпоследний класс школы. В предпоследний!

Что со мной?

Сегодня вечером я пила только гренадин, чтобы быть как девочки, а в итоге мучаюсь от мигрени, как будто мешала водку со всем подряд. В таком состоянии, расплющенную на диване, меня застала мама. Я сказала ей, что отвратительно себя чувствую. Но вместо того, чтобы кинуться ко мне с расспросами, она бодренько сказала, что это нормально.

В моем возрасте все, что кажется ненормальным мне, взрослые считают нормальным. Быть шестнадцатилетней невыносимо... Особенно когда чувствуешь себя на все восемьдесят.

Что со мной?

Что со мной не так?

Дневник Анушки

Два часа ночи. Все это время я думала.

Конечно, после Джулии очередь Коломбы, потом моя, потом Рафаэль. Да, Джулия, Коломба, я, Рафаэль, именно в таком порядке.

Коломбу мальчики считают бомбой. На самом деле я с ними согласна, хотя и не хотела бы иметь такую внушительную задницу и объемистую грудь. Это как отправиться в поход, обвесившись тюками с провизией. Не понимаю, как Коломба управляется с этим хозяйством, ведь двигается она очень неплохо.

Потом моя очередь. Хоть я себе не нравлюсь, я все же красивее Рафаэль. Во-первых, это я сама считаю себя уродиной, я перфекционистка, а во-вторых, Рафаэль просто не повезло. Ее внешность балансирует на грани уродства, и еще «неясно, по какую сторону грани», добавил бы папа шепотом.

Я, конечно, не стерва и не стала бы об этом писать... Но ведь все так думают, и Рафаэль сама говорит, что «в ней есть что-то мужское», и это ее ужасно мучит. Когда она пускается в подобную самокритику, мы, конечно, не соглашаемся, перечисляем тысячи ее достоинств, всячески стараемся поддержать ее. Мы же ее лучшие подруги. И все же она права: иногда Рафаэль можно принять за ее брата.

Да, у нее нет брата, но ведь понятно, что я имею в виду.

Дневник Коломбы

Три часа ночи. Вновь пришла бессонница, эта тварь, заявляющаяся ко мне, когда ей вздумается, как лучшая подружка.

В голове крутятся мысли. Я думаю о завтрашнем первом школьном дне. Думаю о Джулии.

Как это произошло? Она просто уступила? Или она сама этого хотела?

Сказать «да» парню легко. Сказать «да» самой себе гораздо сложнее.

Мне нужно, чтобы решение было за мной. Я хочу контролировать если уж не своего партнера, то по крайней мере саму себя.

Какая чушь! У меня тоже мог бы быть секс, если бы я просто подчинялась парням, которые ищут встреч со мной. Но я противилась, ведь честь для меня важнее любопытства, мне надо, чтобы я сама этого хотела.

А вот если бы мне это предложил Лукас...

Джулия сделала это, чтобы испытать удовольствие? Потому что она любит Теренса? Или потому, что он так ее достал, что это был единственный способ отвязаться от него?

Как бы то ни было, она выглядит очень довольной.

Нужно поспать. Уйди прочь, бессонница! Завтра у меня будут синяки под глазами, буду отвечать невпопад, учителя решат, что я туплю, а друзья – что я странная. Спасибо за подарочек!

Дневник Анушки

Пять утра!

То, что Джулия стала женщиной, меня потрясло. Все, я тоже в зоне риска. И однажды мне, как и ей, придется пройти через это. А у меня ни малейшего желания.

Я ворочаюсь в кровати, то сбрасываю одеяло, то снова укрываюсь им, взбиваю подушки, как боксер бьет грушу. Ах, почему я не могу думать ни о ком, кроме себя?.. Я отравлена тревогой о собственной персоне.

Папа всегда говорит, что было бы куда полезнее, если бы я была менее эгоцентричной.

Дневник Джулии

Это потрясающе! В первый учебный день оказалось, что мне удалось записаться на все предметы, которые я хотела изучать, преподаватели замечательные, а господин Паланкен, который ведет у нас занятия театрального мастерства, предложил поставить к середине года «Ромео и Джульетту».

«Ромео и Джульетта», моя любимая пьеса... Не помню даже, в каком возрасте мне впервые посчастливилось увидеть ее. Моя мама обожает Шекспира, она стала водить меня в театр очень рано. Была ли это первая вещь, которую я увидела в театре? В моих воспоминаниях всплывает скорее образ Отелло и как я рыдала в три ручья, когда этот ревнивый парноик задушил Дездемону. Хотя мне нравилось рыдать. А может, я впервые увидела «Ромео и Джульетту», когда была еще грудной или даже еще в утробе матери? Да, возможно, будучи эмбрионом, я слышала, как соловьиные трели перекликаются на сцене с любовными сетованиями влюбленных из Вероны. В этой истории я чувствую себя своей, мне кажется, что там говорится обо мне, я и Капулетти, и Монтекки, и Джульетта, и Ромео, иду навстречу своей ужасной судьбе, покорная и кроткая, наслаждаясь редкими моментами недолгого счастья.

Я решила, что буду играть Джульетту. Господин Паланкен должен согласиться. Конечно, вся женская половина лица тоже захочет сыграть эту роль, но наверняка выберут меня, если только устроят прослушивания. Сегодня вечером я перечитывала сцену на балконе. «Прошу не торопить: тот падает, кто мчится во всю прыть»³.

Надо бы сообщить Теренсу, о чем я рассказала девочкам на Мосту Искусств. С другой стороны, какая разница? Все равно они не встретятся... Между Парижем и Лондоном триста девяносто три километра, море, забастовки железнодорожников и вековая вражда. Не стоит еще больше усложнять. «Прощанье в час разлуки несет с собою столько сладкой муки, что до утра могла б прощаться я»⁴.

Теренс...

Проступят ли его черты в лице актера, который будет играть Ромео?

Кстати, а кто его будет играть?

Если вдруг на роль Джульетты выберут другую девушку, я ее с лестницы спущу. И это не шутка!

³ Шекспир У. Ромео и Джульетта. Перевод Б. Пастернака.

⁴ Шекспир У. Ромео и Джульетта. Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

Дневник Коломбы

Вот я и в предпоследнем классе! Когда я училась в начальной школе, а потом в коллеже, ученики этого класса вызывали у меня робость. Я не могла поверить, что когда-нибудь я стану такой же взрослой и высокой, буду носить такую же одежду и у меня будут крутые бедра и настоящая грудь. Эти уже не играли – ни в классики, ни в резиночку или вышибалы, – у них были взрослые голоса, и они все, и мальчики и девочки, очень странно общались между собой. Мне они казались взрослыми, случайно затесавшимися в толпу школьников. И я теперь тоже так выгляжу?

Ученики выпускного класса производят на меня сейчас такое же впечатление. Девочки одеваются совсем иначе, чем мы, а мальчишки выглядят как настоящие мужчины. Выпускники занимают отдельный этаж, а во дворе и в столовой держатся особняком, ощущая свое превосходство и игнорируя нас, малявок из предпоследнего.

В нашем лицее Мариво царит негласное правило: девочка из предпоследнего класса не должна встречаться с мальчиком из выпускного. И наоборот. Если кто-то нарушит запрет, это будет означать, что он предатель, и с ним больше никто не станет общаться.

Я бы никогда не осмелилась нарушить этот закон, хотя и замечаю, что Оскар, брат Лены, частенько поглядывает в мою сторону. А что, здорово, этому Оскару, кстати, уже стукнуло восемнадцать...

Кроме того, сегодня я весь день наблюдала за Джулией.

Мой диагноз? Она не сильно изменилась. Ничто в ней – ни тело, ни образ мысли – не выдают, что она стала женщиной.

Не знаю, должна ли я радоваться этому или наоборот. Я ожидала более серьезных перемен.

Только при упоминании о Теренсе она загадочно улыбается, погружаясь в неведомые нам воспоминания.

На самом деле это действует мне на нервы. Она помешалась на том, что сыграет Джульетту в спектакле, хотя и мне, и Анушке тоже хочется получить эту роль. Когда мы ей сказали об этом, она сразила нас наповал, заявив, что Анушка выглядит недостаточно взрослой, чтобы играть влюбленную, а мне посоветовала выбрать более комичную роль кормилицы. Так бы и врезала ей! Да, я девушка с формами, и грудь у меня больше, чем у нее, но это вовсе не значит, что я должна играть возрастные роли. Я чуть было не выпалила, что до Джульетты ей теперь как до луны, потому что та была девственницей, но в последний момент сдрейфила. С парнями я могу быть стервой; в разговоре с девочкой я ставлю себя на ее место.

* * *

Переписка между Анушкой,

Коломбой, Джулией и Рафаэль (полночь)

Анушка

Девочки, что делать?! Папа до сих пор не вернулся домой. Когда мы возвращались с Корсики, он должен был задержаться на несколько часов в Марселе по делам, а потом

прилететь к нам в Париж. Мы ждем его уже пять дней... Мама плачет в своей комнате. Я чувствую, случилась беда.

Рафаэль

Обратитесь в полицию.

Анушка

Мама отказывается. Она клянется мне, что он не исчез и что у нее есть доказательства жизни. Так и сказала...

Рафаэль

Что это может значить? Его похитили? Взяли в заложники?

Анушка

Я только что у нее спросила, а она ответила: «Если бы!» Потом она нас вытолкала за дверь и снова заперлась у себя.

Джулия

И по телефону он тоже не откликается?

Анушка

Нет.

Коломба

Напиши ему одну устрашающую фразу. Чтобы он понял, что ты в панике и можешь совершить глупость.

Анушка

Глупость?

Коломба

Ну что ты выбросишься из окна или отравишься.

Анушка

С ума сошла! Нас всех колбасит и без моего вранья.

Коломба

Делай, что я говорю.

Рафаэль

Коломба права.

Джулия

Я согласна.

Анушка

ОК.

Коломба, Рафаэль, Джулия

Ну?

Анушка

Он звонит мне!

* * *

Дневник Анушки

Я ничего не понимаю. По телефону папа пытался меня успокоить, но, стоило мне спросить, когда он вернется, он начинал плакать...

То, что мой отец плачет, привело меня в ужас.

Я и не знала, что он, всегда такой спокойный и рассудительный, может расплакаться; я даже не представляла, что ему приходилось страдать. Я сразу замолчала, мой мир в одночасье рухнул. Я слышала голос папы, но это говорил какой-то чужой несчастный человек. Кто? Почему он такой слабый? Обычно папа меня всегда подбадривает, но теперь утешать должна была я; в его недомолвках и всхлипах мне слышалось что-то ребяческое. Он бросал меня, он вел себя не как отец, он лишал меня права быть его дочерью. Мне хотелось швырнуть трубку.

Что происходит? Куда делся мой папа?

Мама что-то знает, потому что все время рыдает в своей комнате. Я думала, что кто-то из родственников болен или даже умер, но она поклялась, что нет.

Тибо умоляет позволить ему спать сегодня в моей комнате. Мой братишка в кои-то веки не строит из себя храбреца... Несмотря на то что ему уже двенадцать и у него есть подружка, я согласилась: у меня нет никакого желания оставаться одной в темноте, когда мама воет у себя наверху, а где-то далеко рыдает папа.

Господи, ну скажите мне кто-нибудь правду! Лучше я приму боль, как родители, чем буду изводиться от тревоги и неизвестности.

Дневник Коломбы

Бедная Анушка! Ее отец бросил маму, это ясно как день, но родители никак не решаются ей признаться, а она упорно не замечает очевидное.

Ничего, мы все через это прошли.

При этом потолок будто рушится, сердце сжимается, жизнь останавливается. Но спустя месяцы или даже годы ты понимаешь, что родители поступили правильно и для нас так даже лучше.

Я вот, например, добилась того, что живу неделю у мамы, неделю у папы: у меня две комнаты, две квартиры, два адреса и меня балуют вдвое больше. Их развод превратил меня в принцессу. Каждый из них так боится ранить мои чувства, что я только и слышу: «Я тебя люблю» и «Тебе нужно что-то из одежды?». Но я не злоупотребляю. За исключением обуви, конечно, это моя слабость, я уже весь шкаф забила. На самом деле я могу получить все, что захочу, но приберегаю козыри на случай крайней необходимости, если почувствую, что кто-то жадничает или пытается надавить на меня.

Тогда-то я и попрошу оплатить мне поездку в Брюссель. Лукасу, кажется, нравится его новый лицей.

А эта коза Ванесса слоняется по коридорам лицея с видом безутешной вдовы. Смешно! Что он вообще в ней нашел? Разве что она липнет к нему, как пиявка...

Джулия меня подкалывала:

– Ты действительно не видишь в ней ничего привлекательного?

– Отчего же! Ей неплохо удается наносить макияж, а что еще делать, с таким-то лицом!

Дневник Рафаэль

Ну что за придурки! Парни из выпускного, с которыми я обычно тусуюсь, теперь не общаются со мной в лицее, потому что я учусь в предпоследнем...

В пятницу вечером в «You» они даже передо мной извинялись:

– Рафи, ты пойми, в школе нам приходится вести себя как все. Мы же и тебя хотим защитить.

– От чего?

– Девчонки из нашего класса сожрут тебя с потрохами, если узнают, что мы дружим.

Ладно, я не собираюсь париться из-за этого, и хотя у меня нет ни малейшего желания переделывать весь мир, мне в голову пришла классная мысль, как сделать нас всех терпимее друг к другу. Для этого идеально подходит пьеса, которую мы ставим. Там как раз две враждующие семьи, Монтекки и Капулетти, делают все, чтобы помешать своим детям быть вместе. Так вот: что, если выпускной класс сыграет клан Монтекки, а мы – Капулетти?

Завтра же предложу это преподавателю.

Дневник Джулии

У меня все получилось! Я буду Джульеттой. Господин Паланкен вписал мою фамилию в перечень действующих лиц и повесил его в учительской.

Я так счастлива!

При других обстоятельствах роль досталась бы Анушке. Все считают, что у нее актерский дар, но история с отцом ее подкосила. Читая свой текст, она запиналась и мямлила, выглядело это довольно тоскливо и даже пугающе.

На прослушивании, слыша, как моя лучшая подруга лажает реплику за репликой, я испытывала смешанные чувства: мне было и жаль ее, и радостно, что победа будет за мной.

Эти взаимоисключающие чувства так тесно переплетались, что мне было неловко.

Со мной уже так было, когда я смотрела в глаза Теренсу: мне то вдруг безумно хотелось поцеловать его, то ударить.

Нет, не потом, а одновременно!

Ну хватит, «скорбь, враг красоты»⁵. Я какая-то неправильная?

Мне кажется, что Коломба, Анушка и Рафаэль не испытывают таких сложных чувств и их эмоции более ясные, простые, цельные, одноцветные...

⁵ Шекспир У. Буря. Перевод М. Донского.

Дневник Рафаэль

Хвала небесам! Мне удалось выяснить, кто такой Теренс. Тот самый, с которым Джулия занималась любовью летом.

Оказывается, это Теренс Бэрри, брат Кейт, она приятельница лучшей подруги моей кузины.

Летом я помогала Джулии через мою маму снять квартиру в Англии, и вот теперь мне удалось провести свое собственное расследование и нащупать ниточку, которая и вывела меня на Теренса.

Этим утром одна девочка прислала мне его фотографию. Он чертовски хорош. Зеленые глаза, каштановые волосы, впалые щеки, выступающий кадык на длинной шее, лукавый взгляд и эта шикарная небрежность, непринужденность, so British... Невероятно! Не могу поверить, что он запал на Джулию.

Нет, я ничего против нее не имею; она вся такая миниатюрная, как куколка: треугольное личико, мелкие черты лица, маленький ротик. Нормальные у нее только икры ног, но они кажутся толстыми, потому что она имеет дурость носить балетки... Может, летом она надела босоножки на каблуке, плюс пятнадцать сантиметров роста? Тогда она из пупсика превратилась в Барби.

А я-то всегда считала, что парням неинтересно играть в куклы. Или они начинают заниматься этим гораздо позже?

Дневник Коломбы

И что значат эти их фразы? Что они хотят сказать?..

Почему парни кажутся сначала безразличными, а потом вдруг быстро говорят украдкой нечто такое, что ставит в тупик? Они похожи на охотников: разгуливают себе невозмутимо по лесу, но, едва заметят добычу, мгновенно натягивают лук, пускают стрелу, и вот лань уже убита. Не хочу быть дичью. Когда мужчины показывают свое истинное лицо: когда они держатся бесстрастно или когда убивают?

Сегодня меня атаковали дважды.

Сначала утром Лукас написал мне из Брюсселя: «Я думаю о тебе больше, чем следовало бы. Меня это беспокоит. Мне тебя не хватает». И ведь при этом он официально встречается с Ванессой. Да, повторяю, они вместе уже два года. И как я должна реагировать? Сделать вид, что его подружки не существует, и быстро настроичить ответ: «О, я тоже засыпаю и просыпаюсь только с мыслями о тебе!» – или холодно уведомить его, что, хоть эта коза Ванесса не моя лучшая подруга, я не хочу быть разлучницей?

У девочек совета просить бесполезно: Джулия начнет цитировать Шекспира, Рафаэль предложит отключиться от этих проблем в ночном клубе, а Анушка расплатится и станет повторять на все лады, что она ни черта не смыслит в мужчинах. Последнее, похоже, правда, потому что от ее отца по-прежнему ни слуху ни духу. В любом случае, когда я пытаюсь заговорить с ними о Лукасе, они всегда отмахиваются: «Забудь ты его, Коломба, пора переключиться на кого-нибудь другого». Но ведь я это собственными глазами видела, по-французски четко было написано: «Я думаю о тебе больше, чем следовало бы. Меня это беспокоит. Мне тебя не хватает...»

И сегодня же Мехди из нашего класса признался своим друзьям, что без ума от меня. А ведь, когда мы видимся, он не обращает на меня никакого внимания. На перемене, взбесившись, видя, как Ванесса болтает по мобильнику и ржет, я раздраженно бросила ему:

– Ты даже не смотришь мне в глаза. Боишься?

– Я боюсь не тебя, а себя, – прошептал он, понурился. – Меня пугает то, что испытываю.

Его ответ возмутил меня, я переключилась в воинственный режим, я не стала сдерживаться:

– Что ты там бормочешь, Мехди, я тебя не слышу!

И тогда он поднял на меня свое бледное лицо и пробормотал глухим, дрожащим голосом:

– Ты так ослепительна, что мне приходится опускать глаза.

И убежал.

Никогда раньше я не замечала, какие у него длинные черные ресницы и огромные карие глаза... как у арабского принца. А губы сочные и пухлые, даже красивее, чем у меня. Забавно! А он ничего! Ему семнадцать с половиной, он выглядит самым взрослым и мужественным в классе, а при виде меня его плющит...

Что из этого следует? Мне бы хотелось вписать в эту тетрадь какую-нибудь мудрую мысль, которая будет подпитывать мои ночные рефлексии, мысль, которая докажет, что я не зря прожила этот день, иначе зачем вообще нужен дневник?

Что же из этого следует?

Ну, давай, думай.

Раз,

два,

три...

Жалкое создание! Ничего не приходит в голову, кроме того, что парни как-то неосознанно приманивают девушку, а потом бьют на поражение одной фразой, и ты потом еще долго не можешь оклематься, как после ранения в живот.

Дневник Джулии

Никто из парней не будет играть Ромео, ни из нашего класса, ни из выпускного. Они с удовольствием соглашались на другие роли, но устремляли взор в потолок всякий раз, когда господин Паланкен просил их прочесть отрывок из сцены на балконе.

Неужто из-за меня?

Сегодня стало ясно, что никто не хочет играть Ромео, все отказываются. Я решила, что причина во мне. И еще этот Мехди, самый волосатый из них, сказал, что лучше займется костюмами.

Они избегают меня?

После урока господин Паланкен отозвал меня в сторону и принялся меня утешать, как будто догадался, о чем я думаю:

– В этом возрасте они все очень стеснительные. Выразить чувства, изображать любовные переживания, становиться на колени и читать девушке стихи им кажется абсолютно невозможным.

– Это они-то стеснительные? Вы не знаете, как они общаются между собой. Вряд ли вы еще где-то услышите столько грубости, похабщины и непристойностей.

– Именно об этом я и говорю, Джулия. Грубость – это их защита от искренности. За грубым словом подчас скрываются большие чувства.

– Просто они не хотят со мной обниматься.

– Ты здесь ни при чем, с другой было бы то же самое.

Господин Паланкен считает, что без Ромео ставить пьесу бессмысленно, и предлагает нам выбрать что-то еще.

Идея Рафаэль, чтобы клан Монтекки играли выпускники, а Капулетти – мы, тоже потерпела фиаско. Каждый хотел играть именно ту роль, которая предназначалась ученикам другого класса.

Неужели мы настолько непримиримы, что не можем даже сыграть врагов?

Дневник Коломбы

Лукас...

Почему мы, девчонки, так зациклены на парнях? Неужели они тоже постоянно о нас думают и переживают?

Лукас...

Камень разрывает мне грудь. Я слишком люблю Луку, он во мне, прямо под кожей, он врос в меня. Это вторжение, прекрасное и невыносимое. Я ощущаю, как в груди поднимаются волны тепла, потом вся дрожу, чувствую себя потерянной и одинокой. Временами я чувствую себя счастливой, а потом в один миг все рушится без видимой причины.

Я то психую, то делаюсь холодной и расчетливой. Сердце и разум поочередно берут верх, и нет у них ничего общего, разве что тряпичная кукла по имени Коломба, которая послушно произносит слова.

Полюбит ли меня Лукас?

Да, меня бросает из крайности в крайность: «Это он во всем виноват», а через секунду: «Нет, это я во всем виновата». Без переходов.

Когда он в Париже, я могу думать только о нем. Он повсюду – на улице, в толпе, в кафе. Он постоянно присутствует в моих мыслях, моих воспоминаниях, где-то под ложечкой или в мечтах... Он наполняет меня собой, все мое внутреннее пространство сдано ему без боя. Иногда я представляю, что он растворен в воздухе, который я вдыхаю. Лукас не здесь? Нет, он близко: этот ветерок к нему прикоснулся, он несет мне воспоминание о нем, ведет меня к нему.

Из-за Луки я все время испытываю страх. Я боюсь нашей встречи и холодею от ужаса при одной мысли, что никогда больше его не увижу. Нет больше пустоты, везде теперь магнетическое притяжение, волнительное, опасное. Лукас может оказаться передо мной в любой момент.

Часто я задерживаю дыхание, потому что надеюсь, что, когда снова жадно глотну воздух, появится он. Но нет! Я задыхаюсь, краснею. И настроение портится.

Даже его безразличие меня заводит. Когда Лукас меня не видит, я упиваюсь невыносимым и сладостным чувством... Сладостно, потому что я вспоминаю его плечи, плавную беспечную походку, представляю себе его спину, талию и ниже: его здесь нет, и он весь мой. Невыносимо, потому что одиночество причиняет мне дикую боль, я медленно соскальзываю вниз по стене, теряю сознание, умираю.

Полюбит ли Лукас меня когда-нибудь?

Сегодня лягу спать прямо в свитере, который он мне подарил, и надену забытые им у меня наушники.

Дневник Анушки

Папа хочет увидеться со мной завтра в районе Шатле, в кафе «Циммер».

Я очень рада, но мне боязно.

Сегодня день истины. Он сказал, что готов рассказать все именно мне, а не Тибо, который, по его мнению, еще слишком мал. Сначала мне польстило такое отношение, а потом стало грустно. Да, мне не нравится, когда взрослые, особенно мама, видят во мне ребенка, я считаю, что заслуживаю большего уважения. Но с папой все по-другому: с ним мне хочется быть ребенком и взрослой одновременно. Мне нужна – и будет нужна всю жизнь – его поддержка.

Правда... Какую такую правду папа собирается мне поведать? Девочки сказали, что у него есть любовница. Не верю.

Да, это было бы логично, и к тому же «существует статистика», как говорит Коломба.

Но мой папа не такой. Он не подпадает под статистику. Это мой отец, я знаю, что говорю.

Дневник Рафаэль

Я предложила свою кандидатуру на роль Ромео.

Две или три идиотки сначала, конечно, повозмущались, но господин Паланкен быстро пресек их истеричные выпады, заявив, что во времена Шекспира мужчины играли все роли – и женские, и мужские. Если молодые люди играли девушек, то почему у нас не может быть наоборот?

Мои одноклассники приняли это на ура и даже принялись скандировать мое имя скрипучими замогильными голосами, как оркестр ржавых кастрюль. Так мило и так ужасно.

Мне было приятно, что Джулия, наша Джульетта, горячо меня поддержала.

– На следующей неделе все решится, – сказал господин Паланкен, который пытался найти в других классах кого-то на роль Ромео.

Почему я вызвалась сыграть Ромео? Когда подруги говорят о чувствах, мне всегда хочется им возразить; надеюсь, ударная доза Шекспира сможет что-то во мне изменить и вобьет любовный напев мне в башку.

Кроме того, мне прислали вторую фотографию Теренса, еще более классную, он там играет на гитаре со своими друзьями. Может, стоит принять предложение мамы насчет шопинг-уик-энда в Лондоне? Перспектива носиться в мыле по магазинам с моей сорокалетней мамашкой, молодящейся изо всех сил, меня, конечно, совсем не вдохновляет... но, может, все-таки согласиться?

А надо ли сказать об этом Джулии?

Дневник Коломбы

Писать не о чем. От Луки ничего нет, а Мехди планомерно меня обхаживает. Все как всегда... У Мехди нет шансов. Что в нем не так? Он чересчур правильный и воспитанный. Он предоставляет мне решать его судьбу и поэтому никогда не будет моим парнем.

Анушка говорит, что так ничего и не узнала во время той долгожданной встречи в кафе. Вранье. Обидно. Мы же лучшие подруги. За кого она меня принимает? Я ее утешаю, когда ей плохо, но как только она узнает что-то интересненькое, я вне игры. Руки опускаются...

Но одна сенсационная новость все-таки есть: Ромео будет играть Огюстен.

Я очень рада. Все обожают Огюстена. В нашем лицее Мариво он невероятно популярен, потому что он единственный встречается с девушкой уже несколько лет. Огюстен и Мари кажутся нам единым магическим существом, овеянным счастьем, мы так привыкли видеть их обнявшихся и в коридорах, и во дворе лицея.

Благодаря им я еще верю в любовь. Когда я вижу, как светятся нежностью и счастьем глаза Огюстена, когда он склоняется к хрупкой Мари, у меня сердце бьется в предвкушении чудесных моментов, которые ждут меня впереди.

Дневник Рафаэль

Коломба ведет себя с парнями просто неприлично! Она носит футболки со слишком глубоким вырезом, виляет задницей, строит глазки, смеется слишком громко, то обижается и надувает губки, то поправляет свои длинные волосы, нежно воркуя, то как бы невзначай касается парня и чмокает в щечку. Это цветное кино она крутит нон-стоп, с утра до вечера, с отменным звуком и в формате 3D. Моя лучшая подруга превращается в отчаянную кокетку. Когда я сказала ей об этом в «Балморале», для нее это было как снег на голову. Я уверена, что она не притворяется, она искренняя девчонка, но просто она не отдает себе отчет, как непристойно выглядят все ее движения и ужимки. Она такая с тех пор, как у нее появились формы. Гормоны ударили ей в голову. Иногда мне кажется, что Коломба похожа на одну из тех девиц, которых я вижу по субботам в ночных клубах: тело, обтянутое лайкрой, все напоказ, даже дураку ясно, для чего все это...

Жуть! Не хотела бы я быть такой субботней девкой.

P. S. Ах да, чуть не забыла, Ромео будет играть Огюстен, а не я. Ничего не поделаешь, займусь светом, это даже интереснее.

Любопытно, правда?.. Рассказывают, что в прошлом году Мари сделала аборт, потому что Огюстен был не слишком-то осторожен. А так у них вроде все хорошо, они по-прежнему вместе.

Как Мари согласилась, чтобы Огюстен играл Ромео с Джулией? Я бы ни за что не смогла жить с актером, мои нервы не выдержали бы.

Я не жена актера и не шлюха, вот мой сегодняшний вывод. Это печально, увы! Я понимаю, кем не хотела бы быть, но не думаю о том, кто я есть и кем хочу стать.

Дневник Джулии

Спектакль спасен. Огюстен сыграет Ромео, а я – Джульетту. С Рафаэль было бы, конечно, лучше, я бы меньше стеснялась, и мы могли бы обниматься и целоваться не смущаясь, мы же обе девочки. Когда сегодня вечером мы репетировали и Огюстен сжимал меня своими огромными руками, я все время думала о том, что он уже ласкал свою любимую девушку, что эти длинные пальцы знают ласки любви, что до меня дотрагивается настоящий мужчина.

Это так странно – руки... Обычно мы их не замечаем, это всего лишь часть тела. Но как только рука прикасается к нам, происходит метаморфоза. Ощущение меняется, чувствуешь, бархатистая она или жесткая, шершавая или мягкая, влажная или сухая, горячая или холодная. Она обретает индивидуальность, не молчит, выражает различные чувства – влечение, порыв, отвращение. Иными словами, как только рука касается нас, она становится независимой, отделяется от тела и приобретает особую значимость.

Во время репетиции я обращалась не к Огюстену, который без выражения тарабанил свои реплики, а к его рукам, и это были руки Ромео.

На крыльях поэзии моя душа стремилась ввысь, но эти мужественные руки крепко держали меня на земле. Я была настоящей, живой, страстной. Пока не встретила глазами с Мари. Она буравила меня суровым взглядом, кажется, она уловила мою хитрость с руками. Мне стало неудобно, я вся задрожала и сконцентрировалась на тексте, на манере произношения, стала обращать внимание на детали, интонации и дыхание. Господин Паланкен прервал меня:

– Хватит говорить нараспев. Будь проще, Джулия. Просто будь проще.

Быть проще – что может быть сложнее?

Дневник Анушки

Ненавижу свою мать.

Папа при встрече, когда объяснял мне всю ситуацию, не произнес ни одного дурного слова в ее адрес, наоборот, говорил, что во всем виноват только он. Но все случилось из-за нее!

Моя мать должна была стремиться только к одному: сделать отца счастливым.

Вместо этого она заиклилась на мнимых проблемах и погрязла в своем плохом настроении и безразличии. Результат? Она разрушила нашу семью!

Когда я вернулась из Шатле, она встретила меня бледная как мел, с искусанными губами:

– Ну что, теперь ты знаешь?

– Знаю что?

– Знаешь, кто твой отец.

Мне хотелось дать ей пощечину. Какая отсталость! Хуже расизма! Говорить о папе с таким пренебрежением... И я так же зло швырнула ей в ответ:

– Я знаю, кто ты!

Потом хлопнула дверь и заперлась у себя. Больше мы не сказали друг другу ни слова.

А чего она ждала? Что я брошусь к ней и она всласть нарыдается у меня на плече? Что я признаю ее жертвой? Но я-то считаю, что во всем виновата она! Что я буду утешать ее, повторяя «все мужики сволочи» и «любви не существует» (у нее теперь это постоянная песня)?

Нет, папа не сволочь. Он ушел и сделал это из-за любви.

* * *

Переписка

между Коломбой, Джулией и Рафаэль

Коломба

Девочки, Анушка только что рассказала мне правду: ее отец ушел к мужчине.

Рафаэль

Что?! Как такое возможно?

Коломба

Еще как возможно. Он живет со своим другом.

Рафаэль

Что он тогда делал все это время с ее матерью?

Джулия

У него до этого были мужчины или это случилось впервые?

Коломба

Кажется, впервые. Анушка сказала мне, что отец совсем не стесняется этого, он счастлив и сожалеет только о том, что не смог сохранить семью и отдалился от детей.

Джулия

А что она сама об этом думает?

Коломба

Она хочет познакомиться с другом отца.

Рафаэль

Я бы, наверно, не смогла так реагировать.

Джулия

Я тоже.

Коломба

А я бы смогла. Разве ненормально желать счастья своим родителям?

Джулия

Ты говоришь, как будто ты мама своих родителей.

Рафаэль

Коломба права. В наше время, когда все сходятся, расходятся и опять сходятся. Сейчас, чтобы быть ребенком, нужно запастись терпимостью.

* * *

Дневник Рафаэль

Поездка в Лондон была просто незабываемой!

Скажу сразу, город оказался совершенно не таким, как я его представляла. Он превзошел мои ожидания.

Лондон – это Вавилонская башня, но не устремленная ввысь, а спустившаяся на землю, чтобы распространиться во все стороны улицами, проспектами, площадями и парками. Все в движении. Все на бегу. Тротуары кишат миллионами людей разных национальностей. Здесь встретишь и рыжего шотландца с молочно-бледной кожей, и лилового индийца, соломенно-белокурого исландца и кучерявую африканку, здесь и полуголодные кокни, и здоровенные викинги, выходцы из Латинской Америки, из Азии, с Кавказа, монголы, турки, арабы, эскимосы, греки и так далее, вплоть до пигмеев. И все они общаются по-английски, на этом мягком и певучем языке, который принимает столько оттенков, сколько людей на нем говорит. Душистый, сочный, фруктовый английский на устах приезжих из Пудучерри; рубленый и отрывистый, если он привезен из Севильи; ошетинившийся согласными, когда он завезен из Берлина; носовой, если прибыл из Соединенных Штатов; шумный, как ярмарочная площадь, если родился в Оксфорде.

Мама сняла номер в отеле, довольно тесный, но стоил он кучу денег. Шик, модерн, дизайн, стиль, даже мне показалось, что я всемирно известная модель, которая остановилась здесь проездом.

Не стану описывать те бутики, куда меня потащила мама мерить эти вызывающе короткие платья. Все в курсе, что мне плевать на моду; к тому же продавщицы выглядели как русские топ-модели, и мне было страшно не по себе.

А вот вечер в театре, несомненно, стоил поездки. Мы смотрели потрясающий мюзикл. Декорации взаимопревращались, растворялись одна в другой, никому не известные актеры пели лучше, чем многие именитые звезды, и все танцевали с таким задором под звуки виртуозного оркестра. В Париже такого никогда не увидишь!

Конечно, развязка была предсказуема, а диалоги, прямо скажем, писал не нобелевский лауреат (я улавливала только общий смысл всей этой невнятицы), но как только спектакль закончился, я подумала, что все это великолепие было растрчено ради слащавой комедии. Англичане сегодня больше озабочены продажей билетов, им некогда открывать и поощрять новых Шекспиров, которые написали бы «Ромео и Джульетту». Но я бы солгала, если бы сказала, что мне не понравилось.

И все же главная сенсация этого путешествия случилась у Дороти, где я встретила Теренса. Да, Теренса! Теренса Джулии... Буду честной: это была не случайная встреча, я все подстроила еще в Париже. Мама так ничего и не поняла.

И вот я вижу высокого парня с глазами фисташкового цвета, с волосами еще более длинными, чем на фотографии, в свитере крупной вязки с полукруглым воротом, который слегка приоткрывает его ключицы и грудь. Теренс никогда не улыбается губами, но всегда только глазами. Когда он говорит, ты будто присутствуешь на представлении чревовещателя. У него необыкновенно низкий и звучный голос, и он контрастирует с тонкими чертами лица. Кажется, что голос исходит из его тела, из-под адамова яблока, из груди и даже из живота. По жизни я человек открытый, но он меня смутил; несомненно, Теренс наделен таким шармом, что девчонки просто дуреют, и я тут не исключение.

Мы обменялись взглядами, потом я пробралась сквозь присутствующих и очутилась совсем рядом с ним. Толпа прижимала нас еще ближе друг к другу. Мы стали говорить. Тут я вдруг поняла, что музыка играет слишком громко, а мой английский не такой уж свободный, как в магазинах; мне приходилось выкрикивать слова, я путалась и слышала только свой

мерзкий, охрипший и глухой голос. Наконец я упомянула Джулию. На несколько секунд он замешкался. Я уточнила, что мы лучшие подруги. Тогда в его глазах мелькнуло понимание. Он слегка оторвался от стены, на которую опирался, и сказал с ангельской улыбкой:

– Send my love to Julia, please.

После чего исчез. Я не какая-нибудь там глупенькая девочка и совсем не ревнивая, но, признаюсь, в этот момент я завидовала своей подруге. Send my love to Julia. Скажи Джулии, что я ее люблю. Теперь я понимаю, почему она с такой страстью изображает Джульетту.

На обратном пути в поезде «Евростар» мама вдохновенно перечисляла кому-то свои покупки по телефону, а я смотрела на себя в окно, затемненное ночью. Кто ты такая, Рафаэль? Я пробовала представить, какой я показалась человеку, который произвел на меня такое впечатление. Могла бы я понравиться Теренсу, если бы мы познакомились до его встречи с Джулией? Меня переполняли новые эмоции и невероятные мысли. Они налетали на меня, как обезумевшие птицы во время грозы, когда они стремительно обрушиваются на ветку, а потом так же внезапно срываются прочь.

* * *

Переписка между

Анушкой, Коломбой и Рафаэль

Рафаэль

Я не понимаю реакцию Джулии! Он вся побагровела, когда я передала ей слова Теренса, и уже четыре дня со мной не общается...

Анушка

Может, она не верит, что вы встретились случайно?

Коломба

Вообще-то, мы тоже.

Рафаэль

Что? Вы мне не верите?!

Коломба

Не верим.

Анушка

Я, конечно, не слишком разбираюсь в теории вероятности, но, учитывая, что в Лондоне девять миллионов жителей, а ты провела там только выходные, у тебя было крайне мало шансов случайно встретиться с Теренсом.

Коломба

Знаем мы тебя, Рафаэль...

Рафаэль

Что? Вы меня знаете? Что это значит?

Коломба

Это значит, что ты не самая глупая из нас и очень любишь покопаться в чужой личной жизни.

Рафаэль

Я?

Коломба

Да, ты.

Рафаэль

Я?!

Анушка

В субботу ты сказала, что видела моего папу с другом.

Рафаэль

Клянусь тебе, это правда. Мы с моим кузенком-геом Давидом решили заглянуть в кафе в квартале Марэ, а они выходили оттуда как раз в тот момент.

Анушка

Я не говорю, что это ложь, я просто предполагаю, что ты, как обычно, провела расследование и пошла в то кафе не просто так.

Рафаэль

И что? Что это меняет? Я не украла у тебя твоего отца. Я не увела Теренса у Джулии. Я не сказала ничего плохого ни про Теренса, ни про твоего отца, ни про его красивого друга. К чему эти разборки?

Анушка

А что, он действительно красивый, друг моего отца?

* * *

Дневник Коломбы

Я переспала с Юго. Да, я понимаю, мое поведение выглядит совершенно нелогично, я же влюблена в Луку и за мной официально ухаживает Мехди.

И тем не менее я занималась любовью.

Это все не имеет значения. Хотя нет, имеет, первый раз очень важен; а вот сам Юго мне совсем не важен.

Его я знаю с детского сада, мы вместе ходили в начальную школу, он мне как брат. Потом он перешел в технологический лицей, но мы все равно все время виделись. Конечно, я заметила, что он возмужал, его рост метр восемьдесят пять, а размер ноги сорок шестой, и он нравится девочкам. Он мне рассказывал про свои интрижки с Оливией и со Стефани, но я по-прежнему видела в нем только мальчишку. Мы выросли вместе, и мне казалось, что между нами не может быть никакого секса и отношений.

Именно поэтому я ни о чем таком не думала, я запросто пригласила его к себе домой. Мы разлеглись на кровати и стали болтать о наших мечтах, желаниях и неудачах. Мы шутили, веселились и валялись друг на друге. Он поцеловал меня в шею. Я прыснула со смеху и попросила его быть благоразумным, а потом вдруг сама укусила его за мочку уха. Тогда он коснулся губами моих губ, сначала робко, но я не сопротивлялась, и он стал смелее. Тут только до меня дошло, что мы ступили на скользкую дорожку...

Было уже слишком поздно...

Все это время мы не переставали смеяться. Может, потому, что нам хотелось думать, что это просто шалость. Может, потому, что хихиканье было единственным способом задержаться в прошлом, идя навстречу неизвестному будущему.

Но что сделано, то сделано. Боли я не почувствовала, хотя кровь была.

Юго был безупречен, мил, благороден, предупредителен, он старался, чтобы мой первый раз оставил у меня самые лучшие воспоминания. Вечером, во время ужина, я мурлыкала, как кошка, и выглядела такой счастливой и безмятежной, что домашние смеялись надо мной и спрашивали:

– Коломба, ты что, влюбилась?

Я была поражена, услышав свой голос:

– Вовсе нет.

Вот она, правда: я совсем не влюблена в Юго, немного в Луку, еще чуть-чуть в Мехди. Но я наслаждаюсь тем, что я женщина.

Четыре часа утра. Счастье постепенно улетучивается.

Это все случилось так неожиданно, ни я, ни Юго не предохранялись.

Я боюсь забеременеть.

Дневник Анушки

Я познакомилась с Гаспаром, папиным другом.

Он крутой, классный, естественный, действительно сексуальный. У него красивые яркие округлые губы. Он точно понравится моим подругам.

С ним папа совершенно другой: он выглядит собранным, взволнованным, нерешительным и каким-то изумленным. Он был таким, когда выхаживал котят нашей кошки Мунмун. Она родила котят прямо на Рождество, мне было тогда десять.

Мы много смеялись, шутили, и весь ужин прошел в теплой и веселой атмосфере. Во время десерта был один момент, который меня смутил. Папа взял Гаспара за руку, стал рассказывать ему какую-то историю, и в течение тридцати секунд они так и сидели, не разнимая рук. У меня перехватило дыхание, я смогла снова вдохнуть, только когда они разедились.

Папа никогда не был так нежен ни с мамой, ни с кем-то еще. Только со мной.

Дневник Коломбы

Уф, пронесло!

Мне пришлось поговорить с Мари, подружкой Огюстена, она забеременела в прошлом году.

Мари тут же отвела меня в школьный медпункт, и мадам Финуа, не задавая лишних вопросов, выдала мне противозачаточную таблетку «наутро после». Все, больше никаких недоразумений! Я хотела стать женщиной, а не матерью. И этот эпизод стал бы достоянием общественности. Подруги узнали бы, что я от них пока скрываю; Лукас и Мехди сочли бы меня распушенной; в глазах родителей моя радость обернулась бы глупостью, моя свобода – ошибкой. Я приобрела сексуальный опыт, но мне бы пришлось оправдываться и выслушивать упреки в незрелости.

Я все расскажу только Джулии, она-то меня поймет.

Дневник Рафаэль

Я потрясена: только что я получила мейл от Теренса.

Он не только интересуется мной, но еще как-то ухитрился раздобыть мой адрес.

Должна ли я рассказать об этом Джулии? Она общается со мной подчеркнуто холодно с тех пор, как я вернулась из Лондона.

Если он взял мой адрес у нее, я буду выглядеть идиоткой, если ничего ей не скажу. Или лицемеркой...

Что делать?

Посмотрим. А пока я напишу ему ответ.

Дневник Джулии

«Ромео. Почему Ромео ты?» Столько вопросов возникает у меня в голове, когда я играю Джульетту! Почему Ромео? Почему Джульетта?

Они были свободны, пока любовь не обрушилась на них; но они потеряли свою свободу, как только познали любовь.

В любви не выбирают, выбирают по любви. Страсть поразила Ромео и Джульетту, как вирус, эпидемия, которая уносит жизни целого народа. Она приходит откуда-то извне, она проникает в них, прокладывает себе русло, растет и ширится внутри их. Люди мучаются этой страстью, корчатся в лихорадке, бредят, они полностью отдаются, уступают этому бедствию, так, что могут умереть.

«Ромео и Джульетта», эта романтическая пьеса, на самом деле не что иное, как клиническое заключение, протокол описания патологии, и я в нем фигурирую как больной номер один.

Я спрашиваю себя: может, я так набросилась на эту роль, чтобы защититься? Чем дальше, тем больше вырабатывается антител. Еще немного усилий, и у меня будет прививка от любви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.